

ПОЭТИКА НЕКРАСОВА: АНАГРАММЫ

«Современная ода» (1845) построена на приеме иронии. Она написана так, что заглавное ироническое слово *ода* многократно эхом отдается в тексте (все наши анализы основаны на исследовании фонемного состава). Во многих случаях оно прямо включено в ткань других слов: 1-й стих — *добродетели*, 6-й — *злодею*, 13-й — *породою*, 15-й — *родню*, *длиннобородую*, 20-й — *добродетель*, 21-й — *добродетели*. Иногда порядок фонем обращенный: 1-й — *добродетели*, 2-й — *До*, 8-й — *вдов*, 12-й — *дочь*, 20-й — *добродетель*, 21-й — *добродетели*, 22-й — *до*. Кроме того, стихотворение насыщено словами, содержащими единственную согласную фонему заглавного слова, причем часто на самых информативных позициях — в начале слова и перед фонемой в ударной позиции: *другим* (дважды), *далеко* (дважды), *свидетели* (дважды), *даром*, *дружбу*, *делишек*.

Складывается впечатление, что выбор слов осуществляется поэтом все время с учетом не только темы, стиля, требований метра, но и фонемного состава.

Исследователи поэтической фонетики нередко становились жертвами aberrации, принимая желаемое за сущее. Поэтому мы поставили наблюдения под контроль статистики. Предварительно принималась «нулевая гипотеза», согласно которой вероятность появления фонемы в исследуемом тексте равна эмпирически найденной частоте этой фонемы в русской речи [1, стр. 202]. Для проверки нулевой гипотезы применялся критерий χ^2 [2, стр. 272—273, 286], причем мы отвергали ее, если вероятность оказывалась ниже 0,1. И с вероятностью более 0,9 утверждали, что частоту появления данной фонемы следует оценивать вероятностью, превышающей среднеречевую (что преобладание данной фонемы в исследуемом тексте неслучайно).

В «Современной оде» вероятность нулевой гипотезы относительно фонемы <*d*> равна 0,001. Это обязывает нас отвергнуть предположение о случайном скоплении и заменить его альтернативным утверждением. Принимая во внимание перенасыщенность текста фонемой <*d*> и многочисленные случаи ее соседства с гласными <*o*> и <*a*>, можем считать доказанным, что лексика стихотворения формировалась под влиянием фонемного состава заглавного слова.

Подобный принцип стихосложения был открыт Ф. де Соссюром и был назван анаграммированием. Издание записок, отно-

сящихся к теории анаграмм и оставленных автором в рукописях, началось в 1964 г. Первый итог подведен в книге [3]; позднее публикация и широкое обсуждение материалов продолжается.

Примерно в одно время с Ф. де Соссюром сходное явление под именем звукообраза описал Вяч. Иванов [4]; позже в России на эту тему был опубликован ряд работ.

Нередко анаграммы сосредоточиваются в определенных местах стихотворения, что соответствует моментам обострения внимания автора к фонемному строю поэтической речи. Так, в «покаянном» стихотворении Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...» важнейшее слово *презираю* в 1-м стихе стоит на третьей стопе четырехстопного анапеста. Благодаря предшествующей цезуре, проходящей через все стихотворение, третья стопа выделяется особо. Тематически и фонемным составом с ним сближается еще ряд слов, стоящих на третьей стопе в других стихах: *бесполезно* (2-й стих), *пресмыкался* (6-й), *пресмыкались* (9-й), *позавидовать* (10-й), *презираю* (11-й), *бесприютен* (14-й), *замирает* (16-й). Частоты фонем $\langle p \rangle$, $\langle r \rangle$, $\langle z \rangle$ на третьей стопе резко преобладают над среднеречевыми частотами; при статистической проверке нулевая гипотеза отвергается, ее вероятность равна 0,001. Вне третьей стопы частоты указанных фонем не превышают среднеречевых показателей.

Из ранних произведений анаграмма заглавного слова обнаружена в стихотворении «Безнадежность» («Мечты и звуки»): особенно высока насыщенность начальных строф, где вероятность нулевой гипотезы относительно фонем анаграммированно-го слова равна 0,001, но сильный ответ озаряет и остальные строфы, где вероятность нулевой гипотезы относительно тех же фонем равна 0,01—0,05.

Из стихотворений более поздних в «живой картине» «Бунт» анаграммировано слово *кровь*, в отрывке «Весь пыткой нравственной измятый...» — *муза*.

В «матрацной могиле» написаны «Зине» («Пододвинь перо, бумагу, книги!») с анаграммой *подвиг* и «О муза! Я у двери гроба!..» с анаграммой *Муза* (причем это имя, открывая и замыкая стихотворение, образует лексическое кольцо).

Хотя фонемные повторы в других стихотворениях Некрасова присутствуют постоянно, они недостаточно интенсивны, чтобы можно было уловить их с помощью статистики и уверенно говорить о наличии анаграмм.

Рядом с поэзией пушкинской эпохи и поэзией XX в., которая дает примеры значительного распространения анаграмм (в печати находится отчет авторов настоящей публикации совместно с А. А. Агеевым о результатах статистического исследования анаграмм у Батюшкова, Пушкина, Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Есенина, Мартынова, Самойлова, Винокурова), муза Некрасова выглядит аскетичной. «Прозаизации» тематики

и стиля соответствует почти полный отказ от техники анаграммирования.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Cussera H. Entropy, redundancy and functional load in Russian and Czech. In: International Congress of Slavists. 5th. Sofia, 1963. American contributions. Vol. 1. The Hague, 1963.

² Ван дер Варден Б. Л. Математическая статистика. М., 1960.

³ Strabolinski J. Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Paris, 1971.

⁴ Иванов Вяч. О «Цыганах» Пушкина. — В кн.: По звездам. СПб., 1909.

З. Н. Альбина

НЕКРАСОВСКИЕ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»

В литературоведении хорошо разработан вопрос о многообразии жанров как в раннем творчестве поэта, так и в зрелом.

А. Г. Цейтлин признает, что в произведениях 40—50-х годов Некрасов тяготеет к обрисовке разнообразных типов русской жизни, «близко подходя здесь к тому, чем занимался физиологический очерк»¹.

А. М. Гаркави, исследуя становление жанра в творчестве Некрасова 40-х годов, кроме сатирических жанров, отмечает и «песни», и «физиологические очерки», и «баллады»². Н. Степанов обнаруживает сочетание признаков разных жанров зачастую даже в одном стихотворении³. В. В. Гиппиус указывает на «стихотворения-монологи»⁴, Л. Г. Фризман — на «элегии-самостоятельные исследования»⁵. По нашим наблюдениям, «физиологии» дали прочное основание развитию высокохудожественного очерка в творчестве Некрасова от 40-х до 70-х годов. Форма этого очерка очень близка к тому жанру, который Тургенев назвал «записки охотника».

Особенности этого жанра лучше всего проявляются у Некрасова в произведениях, посвященных не столько городским низам, сколько русской деревне.

Первооткрывателями его были И. С. Тургенев (в 1847 г.) и С. Т. Аксаков («Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», 1849—52 гг.). Книгу последнего Некрасов называл «превосходной», но Тургенев ему был ближе.

Аксаков в своих «Записках ружейного охотника» оставался скорее натурфилософом, Тургенев — лириком и художником с темами больших социальных обобщений. Обоих художников связывали теплые дружеские отношения, строившиеся как на личных симпатиях, так и на общности литературных интересов,